
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

В. С. Мясников

член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

РОССИЯ И КИТАЙ: КОНСТРУКТИВНОЕ ПАРТНЕРСТВО, ОБРАЩЕННОЕ В XXI ВЕК

«У каждого народа своя судьба и свое назначение. Судьба народа складывается из совокупности внешних условий, среди которых ему приходится жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности», — заметил выдающийся русский историк В.О.Ключевский¹.

Россия свыше 400 лет является частью азиатско-тихоокеанского сообщества наций и государств, и у нее есть не только складывающиеся сегодня, но и вытекающие из истории права и обязанности в АТР.

Россия несет ответственность за поддержание мира и безопасности в регионе, она не раз демонстрировала готовность к участию в поиске решения спорных международных вопросов политическими средствами. Сегодня она принимает активное участие в создании новой многополярной структуры международных отношений в регионе, предполагающей равенство великих, средних и малых государств в создании системы безопасности, укреплении мира и достижении экономического процветания.

Уважение и исполнение ранее принятых международных обязательств, в том числе и в качестве правопреемницы Советского Союза, является одной из основ политики России в АТР.

Россия уже не раз подтверждала отказ от политики военного противостояния и продолжает выступать за снижение военной активности в регионе, создание здесь безъядерных зон. Свою безопасность и национальные интересы она обеспечивает, опираясь на национальную территорию, соблюдая принципы нерушимости послевоенных границ и отказа от территориальных притязаний.

Наконец, в качестве главной задачи своей политики Россия видит экономическое сотрудничество со странами региона и поиск путей оптимального вхождения в систему региональной интеграции. Важное значение Россия придает реализации долгосрочных экономических проектов, осуществляемых совместно с другими государствами реги-

она: создание зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии (и соединение ее впоследствии с НАФТА), Туманьцзянский проект, экономическая зона Японского моря, Якутский газ, свободная зона Сахалин, особая экономическая зона Находка, совместная с Китаем особая экономическая зона Благовещенск-Хэйхэ.

* * *

Китай переживает переходный период не только от социалистической плановой экономики к планируемой рыночной, но и от статуса региональной державы к положению мировой сверхдержавы. Важнейшими компонентами стратегии развития Китая по этому пути являются выполнение плана четырех модернизаций, воссоединение с Китаем Гонконга, затем объединение с Тайванем, создание «китайского экономического пространства» («Большого Китая»), охватывающего КНР, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Одновременно будет происходить укрепление влияния Китая в мировой экономике через взаимодействие «китайского экономического пространства» с зарубежными китайцами — хуацяо. Наконец, существенная роль отводится освоению китайцами экономического пространства СНГ и в первую очередь России. Здесь прорыв осуществляется по принципу воздействия на слабое звено мировой хозяйственной системы.

Реализация этой стратегии превращения Китая в мировую сверхдержаву во многом будет зависеть от внутреннего развития Китая после ухода с политической арены Дэн Сяопина и других лидеров его поколения. Но уже сегодня очевидно, что стратегия вывода России из кризиса, превращения ее в активного и полноправного партнера государств АТР или любого из субрегионов может прийти в столкновение со стратегией Китая. Борьба за иностранные инвестиции, за рынок рабочей силы, конкуренция на рынке экспортных и импортных товаров, — вот далеко не полный перечень тех областей, в которых возможно нарастание противоречий двух государств и их стратегий. И это при том, что обе страны на данном этапе заинтересованы в каждой из них в качестве противовеса доминированию США и Японии, заинтересованы в укреплении двусторонних отношений.

Взаимосвязи России и Китая развиваются не только по законам международных отношений, но и несут на себе отпечаток этнокультурных особенностей каждой из стран. Предметом нашего рассмотрения является анализ норм во внешней политике Китая, которые, представляя собой проекцию межцивилизационных контактов, будут отражаться на характере взаимодействия Китая с Россией на международной арене в конце XX и начале XXI столетий.

Учитывать цивилизационные особенности Китая при ведении дел с ним — обязательное условие для любой дипломатии. Понять систему ценностных приоритетов контрагента, знать приемы ведения им дипломатической практики означает резко расширить возможности осуществления собственной стратегии. Этой проблемой озабочены сейчас многие разработчики внешней политики. В США известные работы С.Хантингтона и Ф.Фукуямы недавно были дополнены докладом Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований

«Азиатские ценности и США: сколь сильны противоречия?» (автор Д.Хичкок). Эта работа, которую называют «своевременной», показывает, насколько международные отношения детерминированы цивилизационной спецификой. Отечественное востоковедение в этой области пополнилось любопытным исследованием А.Н.Панова².

Межцивилизационные различия всегда влияли на отношения России с Китаем. Политическая культура России основывалась на нормах христианской морали и европейской традиции, предполагавшей равенство всех суверенных государств. Европейская, в том числе и русская, политическая традиция стремилась строить, главным образом, горизонтальные связи между равными государствами. В XVII — XIX вв. Россия и Китай были вполне сопоставимыми по основным политическим, экономическим и культурным параметрам феодальными державами. Поэтому их взаимодействие в политической области с русской стороны рассматривалось как контакт равных субъектов международных отношений, т.е. по горизонтали.

В основе политической культуры Китая лежали конфуцианские принципы политической иерархии и китаецентристские представления об окружающем мире. Китайская политическая культура практически исключала равенство в отношениях Китая с любой страной мира. Китай стремился выстроить все свои международные связи по вертикали — от высшего к низшему.

Таким образом, при установлении отношений двух стран естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате взаимодействия сторон формировалась, как вектор развития, третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подхода.

Но эта векторная линия складывалась и под влиянием третьей силы, ибо взаимодействие России с Китаем на протяжении длительного периода осуществлялось при активном участии народов-медиаторов (монголов, маньчжуров, киргизов, казахов, народов Приамурья и Приморья).

Китаецентристская модель мира в международных отношениях преломлялась в вертикальную структуру связей. Практически это сводилось к стремлению придать всем государствам, вступающим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Своеобразная данническая система действовала на протяжении тысячелетий, имела особые хорошо разработанные институты и практически не знала исключений. Ведение связей «на равных» представляло редкие эпизоды в многовековой истории.

Россия не стала исключением. С первого же момента русской стороне было предложено «вносить дань» и признать верховенство китайского императора над «чахан-ханом» — «белым ханом», как именовали в Пекине русских царей. Имперская внешняя политика была нацелена на «приобщение варваров» к китайской цивилизации. Этому служили такие атрибуты даннической системы, как инвеститура, принятие китайского календаря и целый ряд других мер по привлече-

нию «варваров» на сторону империи. Весьма эффективной считалась разработанная еще ханьским мыслителем Цзя И теория «гуманного» обращения «варваров» в «цивилизованных» и лояльных империи соседей. Она была сформулирована как «сань бяо у эр» — «три нормы и пять прельщений».

Согласно этой теории, император должен был поддерживать доверие «варварских» правителей дружественными словами, внушать им убеждение, что он действительно любит их «варварские» лица, и восхищаться «варварской» культурой. Пять «прельщений» предполагали одаривание «варваров» одеждой и обеспечение доставки их послов на территорию империи; снабжение хорошей пищей, организацию специальных представлений с музыкой, танцами, женским вниманием; предоставление им жилых зданий и провианта в столице империи, оказание им всяческих знаков императорского расположения и личного внимания с тем, чтобы, воздействуя на их чувства, победить их сердца³.

Эта система «гуманного обращения» не исключала и активного применения силы, а также стратагемной дипломатии, нацеленной на то, чтобы не допускать политического усиления соседних государств, разрушать их возможные союзы и предотвращать тем самым их вторжение на имперскую территорию.

Россия как партнер Китая по международным отношениям столкнулась со всеми упомянутыми формами воздействия на нее китайской цивилизации и представлявшего ее государства — империи Цин. Русская дипломатия категорически отвергла попытки навязать России статус «вассала» империи Цин. Лишь после визитов цинских посольств в Россию в XVIII столетии в Пекине осознали параметры и реальную мощь соседнего государства. В дальнейшем на взаимоотношениях двух стран сказывалась неравномерность их экономического развития. Но лишь во второй половине XIX столетия России удалось добиться отношений с Китаем на основе равенства.

Прежде чем приступить к анализу конкретных явлений, сделаем одно, с нашей точки зрения существенное, замечание. В настоящее время использование китайской стороной цивилизационной специфики в отношениях с Россией активизируется двумя факторами.

Первый — это изменение общей парадигмы всемирной истории. Идея синтеза мировых цивилизаций на основе западных ценностей потерпела провал. В первую очередь, это объясняется тем, что культурно-исторические традиции, которые определяют лицо каждой цивилизации, оказались достаточно сильны, чтобы противодействовать унификации мировых цивилизаций. Это особенно четко видно на примере Японии, около столетия руководствовавшейся идейно-политической установкой «дацуа-ню-о» — «уйти из Азии, войти в Европу» — и наиболее продвинувшейся на пути интернационализации. В дихотомии Восток-Запад впервые за последние 500 лет наступила необычная фаза развития: Восток перешел в наступление. К чему это приведет в XXI в. — к синтезу или к чему-то другому — сказать трудно. Но в Китае уже публикуются труды, в которых утвер-

ждается, что Китайская цивилизация достигнет господства в мире не военными методами, а благодаря своему моральному превосходству над всеми остальными цивилизациями⁴.

Второй фактор — новое геополитическое качество Китая. Впервые в истории взаимосвязей двух стран Китай обогнал Россию и по темпам развития, и по показателям ВВП, т.е. по комплексной мощи.

Цивилизационная специфика поведения КНР на мировой арене выражается через особые, основанные на философских учениях Древнего и Средневекового Китая, представления о политических координатах мира. В Китае сохраняется традиционная вертикально-горизонтальная схема, наложившая ныне отпечаток на концепции развития международных отношений по линиям: Север-Юг и Восток-Запад. Основные тенденции развития международной жизни, в частности противоречия в международном сообществе в Китае, также имеют собственную специфику. При этом проводится грань между противоречиями и противоположностями.

Современный мир, по представлениям творцов китайской внешней политики, — это мир единства противоположностей. Единство противоположностей как философская категория основано на представлениях, сформулированных в традиционной китайской философии (в частности в «Книге перемен» — «Ицзине»), о борьбе и единстве в природе и обществе двух начал «ян» («светового») и «инь» («теневого»). Это находит отражение в экономике, политике, культуре, военной сфере, области внешней политики.

Что касается противоречий, то, по мнению китайских политологов, их сфера гораздо шире. Независимо от отношений — межгосударственных или межнациональных, между государствами с одинаковым или различным социальным строем, между развитыми или развивающимися странами, экономических или идейно-политических отношений, — в различное время и при неоднозначных условиях в них могут появиться разные по своему уровню противоречия. То, что это явление может продолжаться существовать в течение длительного времени, не должно вызывать удивления.

Единство, по мнению китайских теоретиков, указывает на значительное усиление в современном мире связей и взаимозависимости между государствами, что прежде всего проявляется в экономической области. Развитие тенденций экономической интеграции и регионализма в еще большей степени является очевидным симптомом усиления взаимозависимости между государствами. Именно эта зависимость заставляет различные страны преодолевать самоизоляцию, устанавливать и расширять международные связи, ибо лишь так можно стимулировать собственное развитие.

Эти представления являются не только идейно-теоретическим багажом китайской дипломатии, но и руководством для нее при оценке ситуаций и выработке конкретной стратегии.

Следует также учитывать историко-цивилизационный аспект китайской концепции «нового мирового порядка» (НМП). Старый международный порядок (СМП) в китайской трактовке является продуктом

западной цивилизации. Процесс его окончательного формирования занял несколько столетий, начавшись с «появления национальных государств вследствие развития капитализма». Первоначально он носил европоцентристский характер, принципы функционирования и правовые нормы определялись узким кругом европейских держав.

Постепенно этот порядок распространился на весь мир, по-прежнему основываясь на «гегемонизме и силовой политике». После второй мировой войны он характеризовался «борьбой за гегемонию» двух сверхдержав. Однако последующие события (распад колониальной системы, рост социалистических миролюбивых сил и т.д.) продемонстрировали приближение его конца. Очевидным это стало в результате перемен 80-х— начала 90-х гг., когда проявился эпохальный характер изменений.

В принципе, элементы НМП выростали в недрах старого порядка, очень многое в котором вполне подходит для будущего. Однако китайские аналитики постоянно подчеркивают, что замена СМП на НМП не единовременное явление, а долгий и сложный процесс. Это проявляется и в постепенном изменении мировой архитектуры, а именно в процессе мультиполяризации международных отношений, которые проходят несколько стадий: биполярность — один «полюс» и несколько «углов» (современный вариант, по мнению некоторых ученых), или, иначе, одна сверхдержава и несколько держав — подлинная мультиполярность. Переходный характер периода проявляется и в интерпретации эпохи «мира и развития» — по существу, имеется в виду длительный процесс «борьбы за мир и развитие».

Становление НМП, считают китайские эксперты, будет происходить через утверждение нового порядка на региональном уровне. Это особенно важно, т.к., исходя из тезиса о «XXI веке — веке АТР», будущий порядок в данном регионе станет определяющим для НМП. В этой связи следует обратить внимание на периодически появляющиеся в китайских изданиях суждения о том, что АТР будет оказывать на мир столь же сильное цивилизационное влияние, какое раньше оказывал Запад.

Учитывая же растущую глобальную и региональную роль Китая, можно проследить вполне определенную логическую последовательность: при формировании глобального НМП определяющую роль играет порядок в АТР, где, в свою очередь, первенствует Китай. Следовательно, китайское цивилизационное воздействие на мир XXI в. и дальнейших столетий будет идентичным влиянию Европы в предшествующие столетия. В эту канву вполне вписываются идеи о том, что правовой основой строительства НМП должны выступать пять принципов мирного сосуществования — детище китайской дипломатии.

Вполне естественно, что китайские аналитики активно выступают против концепции НМП, предложенной США («хотят единолично править миром»), а также сформулированной политическими деятелями Японии и Европы («рассчитывают на совместное с США управление миром»), отмечая, что эти подходы не означают создания подлинного НМП, а лишь являются попытками сохранения СМП под видом создания нового.

По китайским утверждениям, при создании НМП речь идет не о ниспровержении какого-либо противника, а о поиске новых, «более справедливых» форм сотрудничества со всеми членами мирового сообщества, не об антагонистической «борьбе против», а о конструктивной, с точки зрения Пекина, «борьбе за». В данном случае — о борьбе за более оптимальные для КНР позиции в глобальной структуре экономических и политических связей.

С 1991 г. в КНР началась разработка теоретических основ НМП в свете тезисов «XXI век — век АТР» (вариант «XXI век — век Китая»). Вместо озабоченности по поводу «относительного отставания Китая от ведущих стран» усилилась пропаганда китайских успехов и достоинств китайского пути реформ, открыто демонстрируется уверенность в том, что наступающий век станет веком региона, где Китаю суждено играть ведущую роль. Апофеозом этих построений является вышедшая в 1993 г. книга Сун Тайцина «Эпоха Китая» («Чжунго шидай», Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ).

Китайские политологи проводят различие между структурой и более сложной архитектурой международных отношений. Они выделяют архитектуру «основную» и «стратегическую». «Основная» архитектура сложилась после октября 1917 г. с разделением мира на социалистический и капиталистический и будет существовать еще в течение неопределенного времени. Главное внимание при рассмотрении конкретных международных проблем должно уделяться «стратегической архитектуре», которая в отличие от сравнительно устойчивой «основной архитектуры» отражает «динамику развития взаимных противоречий между основными силами на протяжении различных этапов развития мировой истории».

О характере же мировой архитектуры в Китае высказывались различные мнения. Одни политологи продолжают отстаивать теорию «трех миров». Другие признают возможность сохранения биполярной архитектуры, рассматривая такой вариант как один из возможных при многовариантном анализе, либо же настаивая на том, что даже сохранение военной биполярности не позволяет говорить об общей многополюсности отношений. Третьи высказывают точку зрения, что произошла деполяризация отношений: два старых полюса США и СССР «утратили свой заряд», а стран, которые могли бы прийти к ним на смену, не видно; говорить же о мультиполяризации отношений абсурдно хотя бы с понятийной точки зрения, т.к. «полюса» может быть только два и они должны иметь противоположные «заряды». Четвертые, и их большинство, говорят о мультиполяризации отношений как процессе или же о мультиполярном мире как о свершившемся факте.¹ Наконец, рассматривается вариант о монополярном мире при господстве одной оставшейся «сверхдержавы», однако опять же при многовариантном анализе и как о нежелательном развитии событий, которому будут препятствовать другие участники мирового сообщества. В качестве доминирующей и утвердилась точка зрения о мультиполярном мире.

Особые подходы Китая можно проследить в системе ценностных приоритетов, например прав человека. Причем Китай, с его ре-

лигиозным синкретизмом, который обеспечивал сосуществование государственной идеологии — конфуцианства — с великими религиями: буддизмом, даосизмом, исламом, исторически был цивилизационным центром региона Восточной Азии, генератором своеобразной культуры. Конфуцианство и легизм на протяжении тысячелетий сформировали уникальные представления о взаимоотношениях человека и общества, личности и государства, отношении к труду, к семье, к природе. Только сильное государство может обеспечить народу справедливый порядок и благосостояние, учили легисты. «В государстве, где царит хаос, невозможно жить», — утверждал Конфуций.

В соответствии с исторической традицией, обусловленной официальной идеологией традиционного Китая, китайцы являются убежденными государственниками. Китай переживал периоды феодальной раздробленности, неоднократно утрачивалась и китайская национальная государственность — все это относится в исторической памяти китайского народа к временам бедствий и национального позора.

Было бы рано говорить о том, что Китай исчерпал потенциал своего этнокультурного влияния. Конфуцианские ценности, по мнению многих экспертов, сыграли не последнюю роль в динамичном развитии не только Тайваня, но и Южной Кореи и Японии, они не девальвировались и в странах Юго-Восточной Азии, особенно в Сингапуре. На родине Конфуция отчетливо понимают это и бережно культивируют не только пиетет к имени великого философа, но и те реальные, дошедшие через века традиции, которые определяли жизнестойкость китайской цивилизации. В современном мире сохранение этих традиций создает Китаю положительный имидж, т.к. все высокоразвитые общества выходили на новый цивилизационный уровень именно благодаря синтезу традиционного и современного.

Наконец, для понимания характерных особенностей китайской политики в отношении России исключительно важно учитывать такую цивилизационную особенность китайского общества, как стратагемность мышления его представителей. Что же такое стратагемность? Понятие стратагема (по-китайски: чжимоу, моулюе, цэлюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Интересна семантика этого понятия: бином «чжимоу», например, одновременно означает и сообразительность, изобретательность, находчивость.

Стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной дипломатической борьбы. Офомное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-Цзы, автор трактата «О военном искусстве», который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем. Дипломатические стратагемы представляли собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам. Стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства. Но с

помощью стратагем наносились и тактические удары. Широко известна, например, стратагема «убить чужим ножом», с помощью которой устранялся опасный персонаж в лагере противника.

Китайские политики отлично знают условия, необходимые для составления и успешной реализации стратагем: умение рассчитывать ходы и предвидеть их последствия, знание психологических особенностей тех, против кого нацелен план и, наконец; целеустремленность автора плана в реализации стратагемы. Стратагема подобна алгоритму, она организует последовательность действий, раскрывая способность просчитать ходы в политической игре, а порой и не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника, стратагемность служит образцом политической дальновидности, причем дальновидности активной⁵.

Итак, этнокультурные особенности имеют глубокое влияние на политическую культуру общества и на внешнюю политику государства. Взаимодействие России и Китая по цивилизационным характеристикам относится к смешанному виду межгосударственных связей. Это выдвигает задачу отлаживания механизмов межцивилизационного взаимопонимания, снятия в сознании народов враждебных или негативных стереотипов в отношении друг друга, стимулирования этнокультурных контактов.

Процесс межцивилизационной конвергенции является объективной исторической закономерностью. При этом, как показывает развитие событий в последние десятилетия XX в., стирание межцивилизационных различий не должно приводить к утрате этнической самостоятельности государственного суверенитета и замене национальных культур поп-культурой.

В последние годы связи России с Китаем развиваются по восходящей линии. Этому способствуют три важных фактора: первый — спокойный переход в русло двусторонних отношений после распада СССР и превращения РФ в его «преемницу»; второй — начало нового этапа нормальных, дружественных связей после визита Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР в декабре 1992 г.; третий — установление отношений конструктивного партнерства, обращенных в XXI в., в результате визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Россию в 1994 г. Отношения России с Китаем регулируются совместными заявлениями 1992 и 1994 гг., которые создали хорошую основу для сотрудничества двух стран по всем направлениям. Визит Президента РФ Б.Н.Ельцина в Китай в апреле 1996 г. закрепил дружественные отношения между РФ и КНР, обеспечив взаимную безопасность путем не направленного против третьих стран сотрудничества на международной арене.

Сотрудничество России и Китая сможет стать стабильным и долговременным. Для этого к настоящему времени сформировались важные предпосылки:

- межгосударственные отношения качественно нового типа, основанные на добрососедстве, дружбе и сотрудничестве;
- встречи и диалоги лидеров на высшем уровне, носящие регулярный характер;

- сотрудничество между министерствами обороны с целью обеспечения взаимной безопасности и принятия мер доверия в военной области;
- торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество;
- регулярные консультации по линии министерств иностранных дел, совместное обсуждение и урегулирование международных проблем.

Предполагается, что все эти «механизмы сотрудничества» будут развиваться и совершенствоваться.

Российско-китайская граница, ставшая зоной активного экономического воздействия, все же беспокоит российскую общественность интенсивным экономическим напором со стороны Китая, что породило высказывания об «этнической экспансии» китайцев на российском Дальнем Востоке. В ходе визита в Москву в сентябре 1994 г. китайский лидер Цзян Цзэминь официально заявил, что правительство КНР не проводит в зоне границы политику, угрожающую интересам России.

Серьезные аналитики в Москве и Пекине считают, что сотрудничество между РФ и КНР при любом раскладе политических сил в России может иметь хорошие перспективы, если будет направлено на отстаивание мира и национальных интересов двух стран, установление нового международного порядка на справедливой основе и принципах мирного сосуществования. В то же время они учитывают, что сторонами движут и их собственные интересы. Военно-политический треугольник Россия-Китай-США продолжает сохраняться, причем отношения между Россией и Китаем становятся ближе и теснее, чем отношения каждой из этих стран с США.

Цель российско-китайского сотрудничества на международной арене — способствовать развитию мира на основе равноправия всех стран, больших или малых. Согласовывая свои позиции по дипломатическим каналам, Россия и Китай могут развивать сотрудничество в различных сферах — в политике, экономике, вопросах безопасности. Международное сотрудничество России и Китая не направлено против третьих стран. Напротив, следствием его могут стать оздоровление международных отношений, ослабление конфронтации, решение возникающих проблем политическими, а не силовыми методами.

При создании региональной системы коллективной безопасности обе державы предполагают действовать постепенно, шаг за шагом, переходя от двусторонних к многосторонним соглашениям, от простого к сложному, стремясь искать общее при сохранении разнообразия. Вариант европейской безопасности, который фактически не оправдал себя, для Азии неприемлем. У России и Китая много общих подходов к созданию механизма коллективной безопасности в АТР. Они основываются на том, что все страны равны в своих правах, ни одна из них не будет стремиться к гегемонии, каждая получает гарантию безопасности для своего мирного развития. В вопросах коллективной безопасности необходимо достаточно полное согласие малых и средних стран.

В XXI в. АТР станет новым и, возможно, главным центром экономического и политического развития мира. Важную роль в этом центре призваны сыграть Россия и Китай. От того, как будут развиваться партнерские отношения между ними, во многом зависит будущее всего мира.

Весьма острым для стран региона является вопрос о продаже российского оружия Китаю. В 1992 г. был подписан и выполнен контракт на поставку в Китай 26 истребителей СУ-27 и СУ-27 УБ. Стоимость сделки, по официальным данным, составила примерно 1,4 млрд дол., включая вооружение самолетов (управляемые ракеты воздушного боя и т.д.) и обучение персонала. В 1993 г. в Китае состоялась закрытая демонстрация российской военной техники, о которой не сообщали в прессе. Во время выставки были показаны в действии на полигоне многие образцы новейшего вооружения, в том числе ЗРК С-300 ПМУ-1, система залпового огня «Смерч» и др. В результате были заключены сделки на поставку в КНР систем вооружения, которых у НОАК до того не было: «бесшумных» дизельных подводных лодок класса «Кило» — она же «Варшавянка» (проект 877) и ЗРК С-300 ПМУ-1 дальнего радиуса действия, систем «Смерч». Тем не менее, по оценкам российских специалистов, а также экспертов Стокгольмского международного института мира, эти поставки российской военной техники не влияют на общий баланс сил в регионе⁶.

Россия и Китай, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, считают необходимым осуществление реформ в этой международной организации, приведение ее в соответствие с существующим реальным положением в мире. Однако эти реформы должны осуществляться постепенно, с серьезной подготовкой, а не методом «шоковой терапии».

Сейчас имеет место поступательное развитие отношений России с Китаем в направлении конструктивного партнерства, обращенного в XXI век. Строятся отношения нового типа, которые не должны привести к той модели, которая была в 60—70 гг. и к тесному сотрудничеству, которое имело место в 50-е гг.

России и Китаю предстоит не только взаимодействовать в международных делах, укреплять экономические и научно-технические связи двух стран. Им необходимо возобновить культурный контакт между двумя народами. Выдающиеся представители литературы и искусства должны наладить постоянный обмен достижениями духовного творчества обоих народов. Это окончательно размоет сохраняющиеся еще в массовом сознании остатки негативных стереотипов времен холодной войны и периода конфронтационных отношений, будет совместным вкладом в современную мировую культуру.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые факторы, осложняющие межэтническое взаимопонимание. В частности, на территории России появилось значительное количество китайских граждан, в свою очередь, и в Китае можно встретить большое число русских. Как правило, это представители мелкого бизнеса, а порой даже и криминаль-

ные элементы. Массовый контакт на этом уровне не может вести к межкультурной конвергенции, т.к. представители обеих стран в данном случае являются носителями самого низшего уровня культуры.

Разумеется, и в России, и в Китае идет ознакомление с культурными достижениями двух народов, с духовными ценностями, характеризующими их цивилизационную принадлежность. Но эта функция выполняется специалистами-страноведами и отчасти средствами массовой информации. Целенаправленной работы по духовному сближению двух народов, однако, не проводится.

Тем не менее в массовом сознании китайского народа сохраняются негативные стереотипы в отношении России и русских. Это связано с представлениями о том, что Россия по русско-китайским договорам приобрела ряд территорий, которые Китай мог бы рассматривать в качестве утраченных. Характеристика русско-китайских договоров XIX в. как «неравноправных», по которым Китай «утратил 1,5 млн кв. км территории», присутствует в учебной литературе и иных публикациях на исторические темы. Конечно, без устранения такого рода стереотипов трудно говорить о возможности долгосрочного добрососедства в контактной зоне двух цивилизаций.

В течение длительного времени официальная пропаганда внушала китайцам идеи мощи и величия северного соседа — Советского Союза. В годы сопротивления японской агрессии именно из СССР пришла реальная помощь, поддержка китайскому народу. Являлся ли Советский Союз «старшим братом» в 50-е гг., или он выступал в образе одной из «сверхдержав», проводивших политику «гегемонизма» — в любом случае он в глазах рядового китайца был образцом государственной мощи и современного развития, образцом, на который указывали, как на пример для Китая, его национальные лидеры Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун.

Поэтому на уровне массового сознания шок от распада СССР в Китае был очень силен и не прошел окончательно. Для партийно-государственного руководства КНР то, что произошло с Советским Союзом, является историческим уроком. Главной задачей нынешней правительственной элиты стало недопущение того, чтобы и Китай (формировавшийся на тех же имперских принципах, что и Россия) распался на ханьское ядро и инациональные спутники в его орбите: Тибет, Внутреннюю Монголию, Синьцзян. Для правящих кругов Китая это не только вопрос выживания страны в современном мире, но и самосохранения, удержания власти в своих руках. Следует заметить, что идея целостности страны в равной степени является основополагающей* как для пекинских, так и для тайбэйских политиков, она является аксиомой и для миллиона «хуацяо» — китайцев, населяющих другие страны.

Выдвигаемый Пекином лозунг сохранения государственной стабильности подразумевает борьбу с сепаратизмом во всех его проявлениях — национальном, экономическом, политическом, с учетом имеющегося собственного опыта и негативного опыта СССР.

Россию часто именуют мостом между Европой и Азией. В течение многих столетий Россия, действительно, как транспортная ёрте-рия, пришедшая на смену Великому шелковому пути, связывала Европу с Восточной Азией. Но в то же время, говоря о цивилизационном значении термина «мост», мы должны отчетливо сознавать, что Россия являлась генератором европейской культуры для народов Восточной Азии и сама многое черпала из сокровищницы азиатских культур. Британский, киплингский тезис о том, что «Восток и Запад никогда не сойдутся» для российской культуры неприемлем. Россия дала народам Восточной Азии поэзию А.Пушкина и музыку П.Чайковского, в свою очередь, Л.Толстой был увлечен идеями Лао Цзы, а заветной мечтой великого химика Д.И.Менделеева было упрочение отношений народов России и Китая. И не случайно такой русский поэт, каким был Александр Блок, позволил себе сказать о своем народе: «Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!»

В то же время Россия реализует свои национальные интересы в регионе. Критерием оценки действий партнеров для российской дипломатии является свободный от идеологизированности подход, основанный на принципах Устава ООН, «принципах Бандунга», «панча шила» — мирного сосуществования, принципах, нашедших отражение в ряде статей действующих в регионе договоров и соглашений, а также декларированных участниками международных отношений в двусторонних коммюнике и других документах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т.2. С.373.

² Панов А.Н. Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-советских и японо-российских отношений в послевоенный период (1945—1995). М., 1995.

³ Подробнее см.: В.С.Мясников. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. Вып. 2: Россия и Восток: Цивилизационные отношения. М., 1995.

⁴ См. наше выступление в научной дискуссии «Перекресток цивилизаций» // Вестн. РАН. Т.64. №7. 1994. С.573—574.

⁵ См. подробнее: Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. М., 1995.

⁶ Bates Gill. Determinants and directions for Chinese weapons imports // The Pacific Review. Vol. 8. №2. 1995. P. 359—382.

Vladimir S. Miasnikov

Russia and China: Efficient Partnership for the 21st century

The author analyses traditional standards of Russia and China in the, realization of their foreign policy, which, in its turn, are reflecting the nature of inter-civilizational contacts. On the basis of such analysis the author presupposes the nature of interaction between two countries on the international arena at the end of 20th century—beginning of 21st century.